

«И существует то, чего нет».

*Уильям Шекспир,
«Макбет»¹*

¹ *Пер. А. Радловой.*

ПРОЛОГ

На этот раз он точно решился.

На прикроватной тумбочке стояли нераспечатанная бутылка бренди и стакан. Но ему не нужно было химическое онемение ни от них, ни от успокоительного, которое он принимал каждый раз, когда точно решался на это. В руках у него было письмо, в котором он объяснял свое решение. За эти годы он написал много таких писем. Некоторые из них были короткими, другие — длинными. Некоторые были прямыми и резкими, переходившими сразу к сути. Другие молчали вздор и умоляли о понимании и сочувствии со стороны заинтересованных или незаинтересованных лиц. Многие оставались незавершенными, когда он понимал, что ни на что в конечном итоге не решился.

Но на этот раз он точно решился. Правда.

Он не хотел поднимать глаза, но заставил себя посмотреть на веревку, завязанную наверху. И на стул под ней. Все так просто. Встань на стул. Затяни петлю на шее. Шагни в сторону. Несколько минут боли и паники, пока веревка сделает свое дело, выдавив из тебя жизнь. Большинство людей

были бы благодарны за всего несколько минут боли перед смертью. А он видел много смертей в молодости. Несколько минут агонии — это ничто. И в те последние несколько мгновений, когда ты повисаешь на веревке, а мозг испытывает кислородный голод, он читал, что боль проходит, а ты беззаботно паришь, дрейфуя в небытие. А это как раз то, чего он жаждал больше всего.

Небытия.

Где-то в недрах дома снова послышались голося, яростно спорившие. Он слышал, как она вопила, а он кричал в ответ. Он хотел, чтобы они прекратили. Почему они не могли дать ему те драгоценные минуты покоя, которые он заслужил, прежде чем покинуть этот мир?

Потом тишина снова охватила дом.

Он опять сел на кровать и потянулся за бутылкой бренди. Пара глотков не повредит. На этот раз ему не нужно было никакой пьяной храбрости; напиток всего лишь должен был согреть его холодные внутренности. Он налил полный стакан, а затем уставился на петлю, глотая обжигающую выпивку. Потом налил еще. Только на третьем стакане он понял что делает. Как и в те другие разы. Напивается до беспомысленности. Все, что угодно, лишь бы не совершать самого поступка. Он поставил бутылку и стакан на тумбочку, аккуратно прислонил к ним записку и встал.

Немного раскачиваясь под влиянием выпитого, он прошел несколько шагов к стулу и, пошатываясь, забрался на него. Крепко схватил петлю рукой и натянул ее на голову. Затянул узел, как

галстук. Закрыв глаза и сделал несколько глубоких вдохов. Сосредоточился, пытаясь очистить голову от любых сомнений, а затем делал вид, будто шагает со стула. И отступил назад. Потом снова — на этот раз подходя ближе к краю, причем одна нога зависла в воздухе на пару мгновений, прежде чем он опять убрал ее.

Он задохнулся от отчаяния. Почему, когда он жаждал только небытия, он не мог сделать такую простую вещь?

Правильную вещь. Единственно возможную вещь.

Голоса внизу снова начали воевать. Почему они не могли заткнуться? Просто заткнуться к чертовой матери.

Он развязал узел и слез со стула. Спотыкаясь, поспешил обратно к кровати и налил еще стакан бренди. Взял записку, с мрачной улыбкой осторожно разорвал ее в клочья и положил в пластиковый пакет, который использовал в качестве мусорного ведра.

Всем заинтересованным лицам? Что за чушь. Все, кого это могло интересовать, были давно мертвы или бросили его. Никому не было дела до его оправданий, даже ему самому. Он бросил стакан на кровать и взял бутылку за горлышко. Возможно, если бы он ее прикончил, то не колебался бы, оказавшись на стуле, как не колеблется пьяный водитель, садясь за руль. Он проглотил столько, сколько смог, пока не обжег горло, и опустил бутылку.

Он сделал несколько шагов к стулу и снова забрался на него. Туго затянул петлю, закрыл глаза

и обхватил себя руками, как будто пытаюсь обнять небытие.

Он долго стоял неподвижно, прежде чем снова открыть глаза. Пьяным было его тело, но не он сам. Трезвый и мыслящий ясно, он подергал петлю у себя на шее.

Это все ложь. Он не решился на этот раз и не решится в следующий. Он скорее пополнит ряды живых мертвецов, чем поступит правильно. Слабак, слабак, слабак. Вот он кто. Жалкий слабак. Именно его слабость в первую очередь и привела к катастрофе.

Он потянул за петлю, которая была завязана ровно у него под челюстью. Начал бороться с узлом, пока его тело шаталось. В пьяной досаде он споткнулся. Петля затянулась, врезавшись ему в шею. В слепой панике он попытался встать на ноги, но его туфли поскользнулись на стуле. Стул упал набок. О боже. Он повис в воздухе, дрыгая руками и ногами и пытаюсь закричать. Воздух больше не циркулировал в его легких. Из груди вырывались не крики, а только отчаянное задушенное клокотание. Он схватил петлю руками и начал с ней бороться. Орудие его смерти затягивалось у него вокруг шеи.

В шоковом состоянии он изо всех сил старался ухватиться за веревку над головой ослабевшими пальцами, пытаюсь подтянуться и спастись. На мгновение ему это удалось. Его легкие втянули драгоценный воздух. Но потом воздуха больше не стало. Его усталые руки проскользнули вдоль веревки, ладони и пальцы горели. Он упал; веревка натянулась, и петля дернула его голову на-

зад. Его руки и ноги продолжали дергаться, пока остатки жизни покидали его.

А потом было только небытие.

Объявление

Сдается комната

Великолепная двухместная комната

для одного человека.

СВОБОДНА СЕГОДНЯ!

Прекрасная комната в чудесном большом доме на севере Лондона.

Просторная и уютная, светлая и яркая.

Идеальное сочетание современного стиля жизни и лондонской истории.

Недавно отремонтирована и меблирована.

Коммунальные услуги включены.

В минуте ходьбы от станции метро.

Весь город как на ладони.

Бесплатный Wi-Fi.

Нынешние жильцы — владельцы дома, которые ищут того, кто бы полюбил его так же, как они! ☺

ГЛАВА 1

У меня перехватывает дыхание, когда я смотрю на дом. Он роскошен, даже величественен. В нем целых три этажа, а возможно, есть и подвал. При вечернем свете летнего солнца каменные стены окрашены в теплый и жизнерадостный бисквитный цвет. Выглядит гостеприимно. Плющ вьется вверх по его фасаду прямо к массивным дымоходам, где, глядя на мир, сидит стая птиц. Ни одна из них не поет. Легко представить, что давным-давно это был дом уважаемого викторианского джентльмена, которому требовалось много места, чтобы разместить свою растущую семью, и множество комнат для прислуги на верхнем этаже.

Дом, разумеется, стоит особняком; ни один викторианский отец не хотел бы, чтобы уроки игры на фортепиано его дочери беспокоили соседей или чтобы они слышали, как он ругает горничную, которая осмелилась подать ему подгорелую рыбу.

Аллея огорожена широкими зелеными деревьями, которые заслоняют дома позади. По всей видимости, в те времена этот район не был роскошным, и даже сейчас, когда он очевидно про-

цветает, остается уютным и милым, несмотря на то что некоторые из этих домов сейчас разделены на квартиры и комнаты. Свободные комнаты.

Единственное, что искажает эту идеальную картинку с открытки, стоит на подъездной дорожке. Белый фургон. С одной стороны крупным шрифтом надпись «Бравый парень Джек», а с другой — «Берусь за любую домашнюю работу, для меня нет слишком мелких дел». Там есть и номер мобильного телефона. К багажнику с помощью тросов прикреплен лестница с цветной тканью по обеим сторонам. В те времена, когда домом владели первые викторианцы, Джеку, несомненно, было бы сказано припарковать его современный аналог лошади с каретой у черного входа.

Сжимая в руках листок с информацией от онлайн-агентства по аренде недвижимости так крепко, как если бы это было мое завещание, я иду по подъездной дорожке, а гравий колет мне ноги через тонкие подошвы черных туфель на низком каблуке. Ладонь у меня потеет, и бумага становится влажной, часть чернил размывается. По дороге мой взгляд привлекает необычная отметка на стене над крыльцом. Это большой круг, выгравированный на камне, с отпечатком ключа внутри. Написана дата — 1878 год.

Входная дверь массивная, глянцево-черная, с простым молотком. Кровь пульсирует у меня по венам, когда я стучу. Я не слышу никаких шагов, но через некоторое время меня посещает неприятное чувство, что кто-то следит за мной. Нервы у меня успокаиваются, после того как я обнаруживаю, что на двери есть крошечный круглый

пластиковый глазок, который к тому же мигает. Наблюдатель, кто бы он ни был, решает, что я не представляю угрозы, и распахивает дверь.

— Вы, должно быть, Лиза? Из агентства?

Мужчина примерно моего возраста, около двадцати пяти, но на этом наше сходство заканчивается. Он одет в выцветшие джинсы и футболку, волосы затянуты на затылке в неряшливый пучок. Это современный мужчина, который любит внимание. Об этом говорит все: от золотых сережек в пиратском стиле до борющихся за чужие взгляды татуировок на обеих руках. Почему люди так упорно разрисовывают свою кожу? Кожа должна оставаться нетронутой, и только время имеет право оставлять на ней свою печать. На самом деле он неплохо смотрится; единственное пятно на его мужественности, подчеркиваемой его квадратной челюстью, — это пожелтевшие от сигарет зубы.

— Именно так, — наконец отвечаю я тоном, полным надежды и дружелюбия. Мне очень нужна эта комната.

Он смотрит на часы. Гримасничает:

— Ну, вы рановато.

Интересно, какую мину он бы состроил, если бы знал, что я бродила по аллее последние двадцать минут?

— Это плохо? Мне зайти позже?

Он снова гримасничает, на этот раз улыбаясь сияющей никотиновой улыбкой, и делает мне знак рукой, чтобы я проходила внутрь:

— Конечно нет! Церемонии не для меня.

Я едва не вбегаю внутрь. Как будто возвращаюсь домой. Ведь именно домом это внушитель-

ное здание и стало бы, если бы я смогла договориться о комнате.

— «Приходите ко мне в гости», — мухе говорит паук. Кстати, я Джек.

Он ведет меня в коридор, который затягивает внутрь. Я не могу удержаться и широко распахиваю глаза от удивления. Дом внутри кажется даже больше, чем снаружи. Холл, выложенный подлинной черно-белой плиткой, ведет вниз, в похожее на столовую помещение, за которым мельком видна кухня. Другие двери плотно закрыты. Они ведут в комнаты, которые Джек не хочет мне показывать. Вместо этого он направляется прямо к лестнице с богато украшенными деревянными перилами и ковровой дорожкой с аляповатым узором.

На полу в прихожей лежит большой ковер. Он потрясающий, черно-красный с цветами по краям и с чем-то похожим на арабскую вязь по середине. Он напоминает мне пыльные ковры на марокканском рынке, которые я видела, когда ездила с мамой и папой в отпуск лет в девятнадцать. Я заставляю себя встать на него. Вдыхаю воздух в сердце дома. Вот что такое прихожая — сердце дома. Не верьте современным риелторам, которые утверждают, что это кухня. Сердце бьется в пространстве между входной дверью и лестницей, где дом обычно неподвижен. Спокоен.

— Вы идете? — спрашивает Джек уже на полпути вверх по лестнице.

Я схожу с ковра и иду за ним. Как странно, что такой молодой парень стал владельцем этого вели-